

Н.Э. Гейнце

Дочь Великого Петра

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Н11

Н11 **Н.Э. Гейнце**
Дочь Великого Петра / Н.Э. Гейнце – М.: Книга по Требованию, 2021. – 274 с.

ISBN 978-5-4241-1480-9

Николай Эдуардович Гейнце - прозаик, журналист, драматург, адвокат. В качестве военного корреспондента участвовал в русско-японской войне 1904-05 гг. Издал книгу очерков «В действующей армии» (1904, 1907). Свой первый роман «Малюта Скуратов» опубликовал в 1891 году. Всего таких романов он написал несколько десятков («Аракчеев», «Дочь Великого Петра», «Генералиссимус Суворов», «Ермак Тимофеевич» и др.). Историческими их можно назвать с большой натяжкой, условно - из-за имен героев и исторических дат. Как историк, Гейнце всегда прибегал к компиляции, как романист - наводнял свои романы безудержным вымыслом, не имеющим ничего общего с исторической правдой, как художник был ничто (по собственному признанию). Но у непритязательных читателей его книги пользовались успехом. Гейнце писал не только исторические, но и уголовно-бытовые романы и повести («В тине адвокатуры», «Женский яд», «В царстве привидений» и пр.). Все они неоднократно переиздавались. Написал он и несколько пьес, вызвавших дружные нападки критики и имевших успех у зрителя. Большинство критиков недоумевали, за что же любят произведения Гейнце, рассматривали его творчество как «умственную пищу для неискушенного читателя», вероятно, недооценивая масштабы возросшего с уровнем грамотности спроса на легкое чтение.

ISBN 978-5-4241-1480-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Н.Э. Гейнце, 2021

Николай Эдуардович Гейнце
Дочь Великого Петра

Роман

Литературно-художественное издание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. СМЕРТЬ В ЦВЕТАХ

В ноябре 1758 года с быстротою молнии облетело весь Петербург известие о загадочной смерти молодой красавицы княжны Людмилы Васильевны Полторацкой, происшедшей при необычайной, полной таинственности, обстановке, и взволновало не только высшую придворную сферу, в которой вращалась покойная, но и отдаленные окраины тогдашнего Петербурга, обитатели которых узнали имя княжны только по поводу ее более чем странной кончины.

Покойная была найдена утром 16 ноября 1758 года мертвой в своем будуаре. Она лежала на кушетке, в красном бархатном домашнем костюме, почти сплошь засыпанная цветами. Роскошный букет белых роз лежал у нее на груди. Ее лицо было спокойно, поза непринужденна, и княжна могла казаться спящей, если бы не широко открытые, остановившиеся, черные как уголь глаза, в которых отразился весь ужас предсмертной агонии.

Туалет княжны был в порядке, и в уютной комнате не было заметно следов ни малейшей борьбы. На лице, полуоткрытой шее и на руках не видно было никаких знаков насилия. Прекрасные волосы княжны были причесаны высоко, по тогдашней моде, и прическа не была растрепана; соболиные брови оттеняли матовую белизну лица с выдающимися по красоте чертами, а полненькие губки были полуоткрыты, как бы для поцелуя, и обнаруживали ряд белых как жемчуг зубов, крепко стиснутых.

Цветы, которыми была осыпана покойница, видимо, были только что сорваны, так как наутро, когда вошедшая горничная увидела первую эту поразительную картину, они были свежи и благоухали.

На шее княжны блестело драгоценное ожерелье, а на изящных руках сверкали драгоценные камни в кольцах и браслетах. В миниатюрных ушках горели, как две капли крови, два крупных рубина серег.

В правой руке покойной был зажат лоскуток бумажки, на котором были по-французски написаны лишь три слова: «Измена – смерть любви».

Розысками было обнаружено, что княжна с вечера довольно рано отпустила прислугу, имевшую помещение в людской – здании, стоявшем в глубине двора загородного дома княжны Полторацкой, на берегу Фонтанной, где покойная жила зиму и лето, и даже свою горничную отправила в ее комнату, находившуюся в другом конце дома и соединенную с будуаром и спальней княжны проволокой звонка.

Горничная Агаша показала, что княжна по вечерам принимала тайком не бывавших у нее днем мужчин и всегда окружала эти приемы чрезвычайной таинственностью, как было и в данном случае.

– Беспременно их сиятельство кого-нибудь ждали, – сказала она допрашивавшему ее полицейскому чину.

– «Ждали, ждали!» – передразнил ее тот. – Этого мало... Но был ли кто-нибудь?

– Уж таить пред вами, ваше благородие, нечего: у их сиятельства вчера действительно гость был, а только кто именно, не знаю...

– Как не знаешь?

– Да так, слышала я из-за двери голос мужской, а в замочную скважину, как ни старалась, разглядеть не могла.

Видно было, что Агаша говорит совершенно искренне, но, впрочем, это не помешало полицейскому чину пугнуть ее строгою ответственностью за упорное заpirationство.

Однако ретивость полицейского была прервана в самом начале. В дело вмешалась высшая полицейская и судебная власть, но и ей не пришлось раскрыть тайну загадочной смерти княжны Полторацкой. При докладе об этом происшествии государыня императрица Елизавета Петровна заметила: «Жаль, жаль бедную, в цвете лет покончить с собою... Я давно заметила, что она не в полном уме!» И эти высочайшие слова дали направление делу, или, лучше сказать, прекратили его.

Княжна была похоронена по православному обряду на Смоленском кладбище. Весь Петербург был на этих похоронах. Говорили даже, что в числе провожатых была сама императрица, скрывавшая свое лицо под низко надвинутым капюшоном траурного плаща.

Тайна смерти княжны Полторацкой таким образом до времени была скрыта под толстым слоем земли и временно поставленным большим деревянным крестом. Только двое людей из великосветского общества знали более других об этой таинственной истории. Это были два молодых офицера: граф Петр Игнатьевич Свиридов и князь Сергей Сергеевич Луговой.

Накануне дня рокового происшествия в загородном доме княгини Полторацкой в городском театре, находившемся в то время у Летнего сада, шла трагедия Сумарокова «Хорев». Часть публики обратила, между прочим, внимание, что два молодых офицера, не дождавшись окончания действия, выбежали из зрительного зала. Все заметили, что они оба очень часто посматривали на ложу, в которой среди других придворных дам находилась княжна Людмила Васильевна Полторацкая, затем подошли друг к другу, сказали один другому несколько слов на ухо и быстро вышли.

Их поведение особенно подозрительным показалось бывшему в театре любимцу императрицы Ивану Ивановичу Шувалову, знавшему обоих молодых людей. Он вышел вслед за ними, и ему удалось догнать их в совершенно пустом во время действия коридоре театра и услышать следующий разговор:

– Прежде всего одно слово объяснения, – сказал Свиридов. – Вы ведь смотрели на княжну Полторацкую?

– Да, – спокойно ответил князь Луговой.

– Вы смотрели на нее как-то особенно и, казалось, были удивлены, что я смотрел на нее точно так же?

– Совершенно справедливо.

– Я имею право... – начал было Свиридов, но князь перебил его:

– По всей вероятности, и я имею такое же право смотреть на нее, как и вы?

– Именно это право я и отрицаю.

– А я отрицаю ваше право.

– В таком случае, я пришлю к вам секунданта.

– Я к вашим услугам.

– Позвольте, господа! – раздался около них голос Ивана Ивановича Шувало-

ва. – Мне хочется знать, с какой стати вы даете такой дурной пример публике, ведя себя точно сумасшедшие. Хорошо еще, что не все зрители в зале заметили ваше странное поведение и ваш бешеный выход, иначе вы были бы завтра сплетней всего Петербурга. В чем дело, объясните, пожалуйста! Что-нибудь очень важное и таинственное?..

– Да, – прервал его Свиридов. – Причина очень важная... Я уже вызвал князя на дуэль...

– Какая бы ни была причина, я не одобряю такой поспешности. Надо было объясниться...

– Мы уже объяснились здесь в течение одной минуты.

– Все это хорошо, но позвольте вам дать добрый совет. Поедьте ко мне, там вы объяснитесь между собою основательно и хладнокровно, в моем присутствии. Я ни в чем не буду влиять на ваше решение и выскажу свое вполне беспристрастное мнение. Согласны ли вы?

Оба недавние друга, теперь враги, последовали этому совету.

Дом Ивана Ивановича Шувалова стоял на углу Невского проспекта и Большой Садовой и был выстроен в два этажа, по плану архитектора Кокоринова, ученика знаменитого Растрелли. Обстановка комнат была роскошна. Богатые их анфилады были все увешаны портретами и картинами.

Туда-то и отправились все трое из театра, не доглядев представления.

Хозяин провел своих гостей в угловую комнату с семи окнами, служившую ему кабинетом. Последний отличался укромностью и уютностью, которые придавали ему большие шкафы, наполненные книгами, турецкие диваны, ковры и массивные портьеры.

Иван Иванович уселся в покойное кресло у письменного стола, тогда как оба молодых человека были еще до такой степени возбуждены, их головы были так бешено настроены, что не могли спокойно оставаться на местах и ходили взад и вперед по комнате, как бы стараясь не столкнуться друг с другом.

Несколько времени в кабинете царил тишина.

– Итак, господа, кто же первый начнет исповедь? – прервал молчание хозяин дома. – Я слушаю.

II. ДВЕ ЗАПИСКИ

– Я, – ответил Свиридов. – Дело очень просто: в течение целого часа князь, как я заметил, не спускал глаз с ложи, где сидела одна дама, причем его взгляды были чересчур выразительны.

– Позвольте, – прервал Шувалов, – нечего облекать все это таинственностью, я очень хорошо знаю, в чем дело.

– Во всяком случае, я никого не назвал. Итак, князь Луговой очень пристально вглядывался в даму, которая и не думала отворачиваться от него; я даже заметил, что они раз обменялись довольно красноречивыми взглядами, и это возмутило меня. В то же мгновение дама, заметив, что я смотрю на нее, обернулась в мою сторону и наградила меня такую прелестною улыбкой, которая разом усмирила мой гнев.

– А меня привела в бешенство! – воскликнул князь Луговой. – Я окинул Свиридова свирепым взглядом.

– Я ответил тем же.

– Мы вышли из зрительного зала, а остальное вы знаете...
– Очень хорошо, но позвольте сделать один вопрос: какое право имел один из вас запрещать другому смотреть на эту даму так, как ему хотелось?
– Право, приобретенное вследствие исключительных отношений.
– Как исключительных? – прервал Свиридова князь Луговой. – Что вы под этим подразумеваете?
– Что разумно? Да то, что вы сами подразумеваете, – ответил тот.
– В таком случае, я нахожусь с нею в тех же отношениях, как и вы.
– Желательно было бы, чтобы вы представили доказательства.
– Боюсь, не будет ли это не деликатно или даже бесчестно. А между тем надо же доказать, что действуюешь и говоришь не наобум и что все-таки в человеке осталась хотя капля мозга. Впрочем, мы оба находимся в довольно затруднительном положении, и некоторые исключения из общего правила могут быть дозволены.

Сказав это, князь Луговой вынул из кармана своего мундира маленькую записку, кокетливо сложенную треугольником.

– Это что такое? – спросил Иван Иванович.

– Если здесь говорится о правах, так и я представляю доказательство таких же прав.

Свиридов с любопытством следил взором за движениями князя. Увидев, что тот вынул из кармана маленькую записку, он вынул такую же, во всем похожую на первую, и поднес ее к документу, представленному его соперником.

Удивление троих собеседников не имело границ.

Иван Иванович осматрел обе записки. Адрес был написан одной и той же рукой.

– Почерк один и тот же, но, может быть, обе записки противоречат одна другой. Пусть князь прочитает адресованную ему записку.

– Но ведь это нечестно! – возразил князь Луговой.

– Тут нет ничего нечестного, это исповедь! – ответил Шувалов.

– В таком случае, я начинаю, – с нетерпением сказал Петр Игнатьевич и прочел: – «Милый Петя, ты не можешь себе представить, как напряженно я все думаю о тебе, когда тебя не вижу. Твое присутствие до такой степени необходимо мне, что, когда тебя нет возле меня, мне кажется, что я одна на свете. Жизнь без тебя точно пустыня».

– Позвольте! – воскликнул князь Луговой, державший свое письмо открытым, и продолжал: – «Жизнь без тебя точно пустыня, по которой я блуждаю, мучимая тоской и грустью».

– Да ведь это мое письмо! – вскрикнул Свиридов.

– Вовсе нет, мое! – ответил князь. – Оно даже начинается – «Милый Сережа».

Шувалов сличил записки. Они были как две капли воды похожи одна на другую.

– Здесь даже не требуется суда царя Соломона, – заметил он. – Всякому свое.

Князь и Свиридов посмотрели друг на друга, обменялись записками, пробежали их молча глазами и возвратили друг другу, затем снова посмотрели друг другу в глаза и вдруг, гомерически расхохотавшись, оба скорее упали, нежели сели на один из диванов.

На красиво очерченных губах Шувалова тоже играла улыбка.

– Ну, – сказал он им, – стоило ли из-за этого убивать друг друга? Если бы я не подал вам совета объясниться хладнокровно и обстоятельно, один из вас, быть может, через несколько дней лежал бы в сырой земле. Эх вы, юнцы! Знайте же раз навсегда, что не стоит драться из-за женщины.

– Что теперь нам делать? – спросили оба соперника.

– Посоветовать что-нибудь очень трудно, – ответил Шувалов. – Впрочем, садитесь за стол, я дам вам карты, и вы без всякого волнения, без всякой ревности, с картами в руках вместо шпаг, можете оспаривать друг у друга свою возлюбленную и дадите обещание заранее подчиниться велению судьбы.

– Нет сомнения, что это было бы весьма благоразумно, – сказал князь Луговой. – Но в чем же, собственно говоря, состояло бы здесь наказание для этой женщины? Ведь в данном случае необходимо, чтобы порок был наказан. Женщина, которая вследствие обмана и кокетства готова была причинить такое страшное несчастье, должна потерпеть наказание. Что скажете вы на это, Петр Игнатьевич?

– Дорогой князь, я нахожу это приключение до того смешным и так много хохотал, что не имею решительно никакого мнения.

– Итак, карты вам не нравятся? – сказал Шувалов. – А между тем это было бы средство очень легкое и практическое. Впрочем, есть еще другое средство: пусть каждый из вас, по обоюдному согласию, обещает никогда не встречаться с изменницей. Увидев, что ее оставили так внезапно, она, быть может, поймет, какую страшную ошибку сделала. Наверное, она почувствует и сожаление, и некоторого рода тревогу.

– Этого недостаточно! – возразил Луговой. – А вот что, если бы мы пришли к ней с письмами в руках и показали их ей, не говоря ни слова, а затем разорвали бы их в ее присутствии с величайшим презрением?

– Это очень хорошо, – поддержал Иван Иванович. – Но каким образом исполните вы эту удачную мысль? Явитесь ли вы к княжне среди белого дня в ее гостиной, в то время когда она, может быть, принимает гостей? Это будет недостойно таких порядочных людей, как вы, и месть будет чересчур сильна.

– Совершенно справедливо, – согласился князь Луговой. – Но я не так выразил свою мысль. Мы явимся тихонько вечером, пройдя в маленькую садовую калитку... Не так ли, Петр Игнатьевич?

– А если калитка будет заперта? – возразил Шувалов.

– Ключ обыкновенно дают нам, и, без сомнения, попеременно. У кого ключ сегодня?

– У меня, – вздохнул Свиридов.

– А, теперь понятен ваш гнев! Когда же мы исполним свой план?

– Завтра вечером, князь, если вы не прочь от этого. Мы войдем, когда княжна, верная своим привычкам, отошлет слуг, войдем так, как будто каждый из нас действует для самого себя лично, украдкой, как двое влюбленных, желающих провести приятно время, тем более что все это – совершенная правда. Если хотите, я зайду за вами, князь, и мы отправимся вместе.

– Прекрасно.

Они ушли и на другой день вечером исполнили свой замысел.

Придя к садовой калитке и убедившись, что набережная Фонтанной совершенно пуста, они воспользовались ключом, отданным Свиридову, и проникли в